

Теоретические проблемы русского словообразования. Казанская научная школа // Дialeктное словообразование, морфемика и морфонология: Монография / Под ред. Е.Н.Шабровой. – СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. – С. 7-29.

Г.А.Николаев

Теоретические проблемы русского словообразования.

Казанская научная школа.

Наука о словообразовании формировалась во второй половине XIX века. Определяющую роль в ее становлении сыграли представители четырех научных школ России: Московской лингвистической школы Ф.Ф.Фортунатова, Харьковской лингвистической школы А.А.Потебни, Казанской и Петербургской лингвистических школ, связанных с именем И.А.Бодуэна де Куртенэ. Наиболее цельный взгляд на сущность словопроизводства был разработан представителями Казанской лингвистической школы в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX столетия (И.А.Бодуэном де Куртенэ, Н.В.Крушевским, В.А.Богородицким, А.И.Анастасиевым и др.). Их взгляды легли в основу одного из современных направлений российской словообразовательной науки. Основные его положения вошли в обязательный «теоретический минимум» любой концепции, в том числе и той, которая проводится Институтом русского языка РАН и отражена в академических грамматиках.

Работы представителей КЛШ открывают новый период в истории изучения русского словообразования – период теоретического осмысления накопленных фактов и выработки методов исследования словообразовательного материала. Ими была создана первая теоретическая концепция словообразования, основанная на изучении живых языков. Создание любой теоретической концепции в лингвистике базируется, по крайней мере, на начальном этапе становления, на синхронической методике исследования. Представители КЛШ первые в мировой науке обратились к изучению живых языков, к разработке синхронической методики их исследования и отработывали ее на проблемах фонологии и словообразования. Этим и объясняется приоритет «казанцев» в области теории словообразования.

Суть словообразовательной концепции КЛШ заключается в следующем.

Учитывая единство и противоположность статического и динамического в языке, при анализе слова с точки зрения словообразования следует различать статико-морфологический и динамико-морфологический подходы к слову. Статико-морфологический анализ слов базируется на живых словообразовательных (ассоциативных) связях, имеющих структурно-семантический характер [Анастасиев, 1887: 6]. На основе структурно-семантических связей

производного слова с производящим (термин ввел в науку В.А.Богородицкий) в словах выделяются морфологические элементы. Эти морфологические элементы суть живые единицы, о чем можно уверенно говорить, если производное слово входит в тройные ряды противопоставлений: 1) производное противопоставляется производящему (*перенести* – *нести*); 2) оно противопоставляется одноосновным словам с разными аффиксами (*перенести*, *поднести*, *принести* и др.) – начальные сведения о словообразовательной парадигме; 3) оно противопоставляется одноаффиксным словам с разными основами (*перенести*, *перевезти*, *переложить*) – начальные сведения о словообразовательном типе [Крушевский, 1883: 74].

Выделяющиеся элементы в слове суть морфемы, т.е. неделимые морфологически значимые элементы слова (основы и аффиксы), зависимые от слова, служащие в языке для формо- и словообразования. В системе сложившихся отношений морфемы могут иметь нулевое звуковое выражение. Как реальная единица, морфема может фонетически и семантически варьировать; на основе этих вариантов могут складываться новые морфемы. Морфемы, как и другие языковые категории, подвержены изменениям. В результате слово может утрачивать морфемную членимость (опрощение), менять ее (переразложение) или, будучи непроемным, наоборот, приобретать членимость (разложение).

Производные слова с повторяющимися морфологическими элементами (основами или аффиксами) объединяются в структурные семейства, системы словесных типов, которым соответствуют системы определенных понятий, значений. В структурно оформленном слове необходимо различать два типа значений: генетическое (в наши дни оно определяется как словообразовательное) – *светляк* – ‘нечто светящееся’ и индивидуальное (лексическое – *Г.Н.*) – *светляк* – известное насекомое [Крушевский, 1883: 121].

Перед нами действительно цельная и вполне современная для нас словообразовательная концепция. Она ляжет в основу главных постулатов известной статьи Г.О.Винокура «Заметки по русскому словообразованию» (1946), положившей начало активной разработке теоретических проблем словообразования. Окончательное становление теории словообразования произошло во второй половине XX века, когда наблюдался своего рода «словообразовательный бум» и каждая пятая лингвистическая работа, выходившая в Советском Союзе, была работой по словообразованию

Следует уточнить, что представители КЛШ никогда не были чистыми синхронистами («авангардом современного структурализма», как считал Б.Коллиндер): они рассматривали язык как постоянно развивающийся и одновременно постоянно функционирующий.

В середине 50-х годов теоретическими проблемами словообразования активно стало заниматься новое поколение казанских лингвистов во главе с В.М.Марковым. В

университете был организован семинар по теории словообразования, в который входили студенты и молодые преподаватели. Большинство из них в дальнейшем серьезно занялось словообразовательной наукой. По результатам семинара в 1958 году была проведена первая конференция по проблемам теории и истории русского словопроизводства, на которой, собственно, и были заложены основы современной казанской концепции словообразования, учитывающей достижения в этой области представителей Казанской лингвистической школы И.А.Бодуэна де Куртенэ.

Нужно заметить, что все существующие в стране словообразовательные школы при определенных различиях в подходе и трактовках проблем словообразования имеют, конечно, и общие взгляды на принципы словообразовательного анализа, составляющие суть словообразовательной науки.

В настоящее время можно говорить о двух таких школах в российской науке – московской (синхронической) и казанской (исторической). Представители московской школы хорошо известны специалистам: Н.Д.Арутюнова, Е.А.Земская, Е.С.Кубрякова, В.В.Лопатин, И.Г.Милославский, И.С.Улуханов и др. В нее не входят такие известные московские ученые, стоявшие у основания словообразовательной науки, как В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, Н.М.Шанский, Ю.С.Азарх и др. По своим воззрениям они ближе к казанским лингвистам. Московская словообразовательная школа является школой чисто описательной дериватологии, использующей в исследованиях дескриптивный метод (в его русском варианте).

Казанские дериватологи следуют в своих работах той методике, которую разработали представители школы И.А.Бодуэна де Куртенэ. Рассматривая словообразовательную систему русского языка как развивающийся феномен, они тем самым признают, что любое явление, любой факт, любая «деталь» этой системы могут быть рассмотрены под историческим углом зрения, причем даже те из них, на которых основывается представление об относительной устойчивости этой системы.

При этом сознательно допускается элемент синхронизации материала. Опора на системные отношения всегда являлась одной из главных черт исторических исследований в любой области языка. Изучая исторические процессы в области словообразования, специалист обязательно (эксплицитно или имплицитно) исходит из системного статуса изменяющихся объектов, при этом сам статус понимается им исторически, а относительная стабильность языковых фактов в определенный исторический период осмысливается как этап в постоянном развитии языка. В этом и заключается диалектическая взаимосвязь синхронного и диахронного подходов к фактам словообразования, представляющая единственно верный принцип рассмотрения словообразовательных фактов.

Н.М.Шанский справедливо замечал, что любое явление словообразовательной системы, «в силу диахроничности процесса возникновения новых слов и динамичности словообразовательной системы, можно глубоко и всесторонне познать только с помощью комплексного – синхронно-диахронического – исследования, рассматривая слова как результат деривации в большом контексте языковой современности и истории» [Шанский, 1977: 16].

В последнее время о необходимости исследовать словообразование синхронно-диахронным методом все настойчивее говорит И.С.Улуханов. Он справедливо замечает по этому поводу, что в принципе «может быть создан совершенно особый – синхронно-диахронический – тип описания системы словообразования» [Улуханов, 2004: 14]. «Синхронное и историческое словообразование, - пишет он в другой работе, - изучались изолированно друг от друга, и это оставляло в стороне интересные теоретические проблемы соответствия или несоответствия синхронных связей и исторических процессов» [Улуханов, 1992: 5].

Историческим методом можно исследовать и современный словообразовательный материал, если рассматривать факты словообразования в развитии, в их внутрисистемном взаимодействии друг с другом и в межсистемном взаимодействии с фактами других языковых уровней (прежде всего – с фактами формообразования).

Одной из главных проблем любой словообразовательной концепции является статус словообразования как феномена языка и словообразовательной науки как раздела языкознания. По этому вопросу в науке нет единой точки зрения . Существуют по меньшей мере три мнения о месте словообразования в системе языка и, соответственно, о месте словообразовательной науки в системе лингвистических дисциплин.

1. Словообразование – часть грамматики (морфологии). Это наиболее традиционная точка зрения, восходящая к воззрениям первых русских грамматиков (М.В.Ломоносова, А.Х.Востокова, Ф.И.Буслаева, Ф.Ф.Фортунатова, В.А.Богородицкого и др.). В советское время ее разделяли такие ученые, как А.А.Реформатский, Г.О.Винокур, Н.Д.Арутюнова, В.В.Лопатин и др. Эта точка зрения является официальной в академических грамматиках: «Грамматике современного русского литературного языка» (1970), «Русской грамматике» (1980) и др.

Помимо традиции, отнесение словообразования к морфологии детерминируется тем, что основное внимание исследователей обращается на такие способы словопроизводства, которые связаны с употреблением специальных морфологических средств – морфем, при этом оставляются в стороне многочисленные производные слова, образованные другими способами.

2. Словообразование - раздел лексикологии: словопроизводство является главным источником пополнения словарного состава языка, а словообразовательные морфемы (корни, приставки, суффиксы) входят в состав основы слова, оформляющей лексическое значение слова (А.И.Смирницкий, О.С.Ахманова, К.А.Левковская, В.В.Колесов и др.).

3. Словообразование – самостоятельный уровень языковой системы, а соответственно в науке – самостоятельный раздел языкознания. Как теоретическая эта проблема была поставлена в советском языкознании в 40-50-х гг. XX столетия. Многосторонне она рассматривается в статье В.В.Виноградова «Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков)» (1952). Здесь впервые ставится вопрос о межуровневом характере словообразования, имеющего неразрывные связи с морфологией и лексикой языка.

Наиболее последовательно эту точку зрения проводят Е.А.Земская, Е.С.Кубрякова, Л.В.Сахарный, В.Н.Немченко и многие другие современные ученые. Она прошла в вузовские учебники и программы. Однако так называемый словообразовательный ярус не вписывается в существующую иерархию языковых уровней, а его основная единица не имеет необходимой соотнесенности с существующими единицами языковой системы.

4. В настоящее время в связи с активным изучением в науке путей возникновения вторичных языковых единиц разных уровней начала формироваться такая научная дисциплина, как *дериватология*. Основным объектом ее изучения является деривационная система языка, представляющая собой межуровневое явление, имеющая межуровневый статус. Деривационный аспект может быть применен к явлениям любого языкового яруса, однако основной сферой его применения является сфера двусторонних языковых единиц: слов, словоформ, словосоединений (словосочетаний, предложений). Таким образом, устанавливается деривационная система лексики (словообразование), морфологии (формообразование), синтаксиса (образование вторичных синтаксических единиц). Каждый из этих деривационных разделов языка характеризуется как специфическими чертами, так и общими закономерностями, объединяющими данные подсистемы в общую деривационную систему языка. На основании сказанного, словообразование рассматривается как деривационная система лексики, а наука о словообразовании как раздел лексикологии.

Такая точка зрения определенно соприкасается с мнением ученых, относящих словообразование к лексикологии, однако этот взгляд появился только как одно из следствий развития новой научной дисциплины – дериватологии и проведен через систему убедительных аргументов, в первую очередь, в работе В.М.Маркова «О семантическом способе словообразования в русском языке» [Марков 2001: 117-135] Приводим коротко эту аргументацию.

«Лексика и грамматика составляют, как известно, два важнейших аспекта языкового содержания. Признание этой истины обязывает к последовательному, принципиальному разграничению наблюдаемых фактов, к стройной логической выдержанности (и согласованности) языковедческих построений и классификаций. (...)

Большинство исследователей в настоящее время отводит словообразованию самостоятельное место наряду с грамматикой и лексикологией, выделяя, таким образом, еще один третий аспект языка. При этом остается неясным, на каком основании, в принципе, оказываются противопоставленными (разнесенными в разные сферы) вопросы развития лексической системы (лексикология) и вопросы образования слов (словообразование), в то время как вопросы развития грамматической системы и вопросы формообразования, несомненно, являются достоянием одной научной дисциплины, то есть грамматики. Иными словами, остается непонятным, каким образом можно говорить о развитии словарного состава языка, не касаясь исходных отношений, которые во многом определяют характер дальнейшего развития лексем. (...)

Исключить из лексикологии вопрос о способах образования слов, о словообразовательной зависимости однотипных лексем, о типовых их значениях, формирующих лексико-грамматические разряды, о единстве содержания и формы – это значит исследовать язык, разрывая живое в угоду теоретическим построениям, культивирующим искусственный взгляд на слово как принадлежность лексической системе. (...)

О каком бы лексическом явлении мы ни говорили (о синонимах, омонимах или антонимах, о неологизмах или архаизмах, о заимствовании или стилистической специализации), всякий раз мы обнаруживаем в рассматриваемом явлении словообразовательный аспект, органически входящий в систему лексикологических характеристик... [Поэтому] необходимо отказаться от тезиса о каком-то особом, самостоятельном месте словообразования как языковедческой дисциплины, принципиально сведя воедино все то, что составляет содержание лексикологии как науки о слове-понятии в его отношении к миру вещей» [Марков, 2001: 117-120].

Словообразование как деривационный аспект лексики имеет тесные связи с другими сферами деривационной системы языка, и в первую очередь с формообразованием. Рассмотрение проблем словообразования в тесной связи с проблемами формообразования является важнейшим принципом казанской словообразовательной концепции.

Словообразование и формообразование представляют собой две изоморфные системы, находящиеся в тесной взаимосвязи и взаимодействии. Основной единицей той и другой систем является деривационное средство. В зависимости от его характера выделяются два

способа слово- и формообразования: морфемный (морфологический) и безморфемный (семантический). Ср.: *успевать* (к поезду) и *успевать* (в школе) – семантическое словообразование; *Отнимите* у меня перо – и *я помер* (Чехов) – семантическое формообразование: сослагательное наклонение *отнимите* на базе императива и будущее время *помер* на базе прошедшего совершенного) и т.п. [Николаев, 2003: 115] В каждой из этих подсистем выделяются как прямые, так и обратные процессы образования вторичных единиц (в морфемной и семантической разновидностях).

Взаимосвязь и изоморфизм словообразования и формообразования проявляются в параллелизме их основных характеристик (механизм образования слов и форм, отражающийся в бинарной структуре форм словообразования и словоизменения; идентичные типы аффиксальных морфем – фонеморфемы, синоморфемы, оморфемы, нулевые морфемы, прерывистые форманты), а также в параллелизме их основных категорий (форма, значение, способ, средство, парадигма и др.)

Взаимодействие этих двух языковых феноменов может поддерживать процессы в параллельной сфере. Так, категория среднего рода в русском литературном языке держится в основном на продуктивных словообразовательных типах имен с суффиксами *-ние, -ство, -ие* и др. Как установил В.М.Марков, распространение флексии *-у* в родительном падеже единственного числа в словах мужского рода типа *бою, ходу, размаху, приказу, докладу* и т.п. было связано с развитием приглагольного словообразования имен нулевой суффиксации, в которые первоначально проникали новые флексии. В дальнейшем, в связи с заимствованием в русский язык слов с вещественным значением (*бархат, жемчуг, изумруд, шелк, чай* и т.п.), флексия *-у* как принадлежность существительных с вещественным значением, возникших путем семантической деривации на базе образований нулевой суффиксации со значением отвлеченного действия, проникает и в эти заимствования и широко распространяется в них [Марков 1974: 53-55]. Таким образом, история род. пад. ед. числа на *-у* красноречиво свидетельствует об участии в морфологическом процессе как морфемного, так и семантического словообразования.

Продуктивные типы субстантивного словообразования с суффиксами *-ние, -ство, -ие* и др. активно поддерживают формы имен существительных среднего рода в русском литературном языке, в отличие от ряда говоров, утративших эти формы: *сломать копыту* (Влад.), *одеяла моя вся поистрепалася* (частушка, Орл.), *знает кошка, чью мясу съела* (посл., ювр.) и др. [Виноградов, 1972: 76]. Действительно, из десяти с небольшим тысяч слов среднего рода в современном русском языке свыше семи тысяч составляют имена на *-ние*, около полутора тысяч – имена на *-ство* и *-ствие*. Если к ним прибавить имена на *-ие* и заимствованные слова типа *пальто, антраша, кафе* и т.п., то остается около пятисот

непроизводных слов среднего рода. В то же время отмеченные здесь словообразовательные средства редко встречаются в системе диалектного словообразования, так как они являются принадлежностью книжных стилей русского языка, сформировавшихся под сильным влиянием славяно-книжных языковых норм. Кстати, в диалектах, не имеющих категории среднего рода (например, в орловских говорах), образования на *-ние* являются именами женского рода.

Однако словообразование может не только поддерживать, но и препятствовать распространению определенных грамматических форм. Так, флексия *-á* в формах именительного падежа множественного числа имен мужского рода, как отметил В.М.Марков, встречается только в непроизводных или дэтимологизированных субстантивах, за исключением формы *учителя: городá* (но *пригороды*), *лесá* (но *перелески*) *островá* (но *островки*) и т.п. Объясняется это тем, что указанные формы распространяются в словах с определенной акцентной парадигмой: в единственном числе ударение в этих словах падает на основу, а во множественном – на окончание. Но такую акцентную парадигму с подвижным ударением могут иметь только непроизводные слова, так как в производных ударение обычно падает на одну и ту же морфему. Итак, в данном случае производность слова (как результат словообразовательных процессов) препятствует распространению флексии *-á* [Марков 1974: 53-55].

Неоднозначно решается в науке проблема способов русского словопроизводства. У разных исследователей насчитывается от пяти (В.В.Виноградов) до 12 (Е.А.Земская, В.В.Лопатин) способов словообразования. Показательна в этом эволюция взглядов Н.М.Шанского и В.М.Маркова по этой проблеме. Оба разделяли точку зрения В.В.Виноградова, и оба пришли к выводу о существовании в русском языке только двух способов словопроизводства – морфемного (морфологического) и безморфемного (семантического). Правда, Н.М.Шанский, кроме этих двух способов словопроизводства, выделяет еще способ словообразования, больше известный в науке как способ сращения [Шанский, 1977: 11]. Казанские дериватологи с конца семидесятых годов ушедшего века выделяют и аргументируют существование в русском языке двух указанных способов в их взаимосвязи и взаимодействии.

Прежде всего отмечается изоморфизм этих способов. В каждом из них есть способы образования простых слов (аффиксация и «симпликация») в сфере внутрикатегориального (префиксация, постфиксация – метафора, метонимия) и межкатегориального (суффиксация, конфиксация – субстантивация, адвербиализация и др.) словообразования; образования сложных слов (сложение – сращение); способы морфемного и семантического включения (*передовая статья – передовица*, или *передовая*).

Признание семантического словообразования (по формуле: *сколько значений – столько слов*) упраздняет феномен полисемии в принятом смысле. И с этим никак не могут согласиться традиционно мыслящие лингвисты. Полисемия является в науке само собой разумеющейся истиной, не требующей доказательств. К сожалению, лингвистика сильно страдает от обилия таких истин. К ним относится, например, долгое время признаваемое наличие в языке прилагательных, перешедших в существительные (или субстантивированных прилагательных). Уже в середине 50-х годов в Казанском университете эта категория слов была интерпретирована как существительные, образованные от прилагательных путем семантического словообразования. Н.М.Шанский чуть позже признает, что так называемый морфолого-синтаксический способ словообразования (в частности, субстантивация прилагательных) есть разновидность семантического словопроизводства.

Сторонники полисемии боятся, что признание семантического словообразования приведет к сильному увеличению словарного состава русского языка и обеднит феномен русского слова, лишит развития и изменения его семантики. С.П.Лопушанская, разделяющая казанскую идею семантического словообразования, предложила в связи с этим разграничивать семантическую модуляцию и семантическую деривацию [Лопушанская, 1996]. Слово развивает свою семантическую сторону до смены денотата. Смена денотата свидетельствует, что произошла деривация. Образованное таким путем слово становится в иной лексико-семантический ряд (ср.: *нос, ухо, рот, губа* и т.д. и *нос, корма, бак, камбуз, каюта*).

Ссылка на само собой разумеющуюся истину при разговоре о полисемии и семантическом словообразовании напоминает профанное отнесение арбуза, огурца, дыни и т.п. к овощам, в то время как с научной точки зрения это ягоды (по типу плода).

Сторонники традиционного взгляда на проблему не исключают возможности образования слов путем изменения семантики производящего слова. Новая лексическая единица появляется в таком случае в результате распада полисемии и утраты связей с прямым значением слова. Это весьма бездоказательное положение, признающее способом словообразования в этом случае деэтимологизацию. Образованное семантическим способом слово, как и морфемные дериваты, сохраняет связи со своим производящим. Оно может и деэтимологизироваться, как и слово, образованное морфемным путем. Но ни в том, ни в другом случае деэтимологизация не является способом словообразования.

Система основных способов русского словопроизводства представляется в рассматриваемой концепции в следующем виде:

Способы русского словообразования

Морфологический способ

Семантический способ

I. Аффикация

I. Симпликация

Способы внутрикатегориального словообразования

1. Префиксация

со/автор, раз/удалый, от/копать

1. Метафора

спутник, золотой (характер)

2. Постфиксация

копать/ся, кому-то, кто-нибудь

2. Метонимия, синекдоха

хрусталь (посуда), борода (человек)

Способы межкатегориального словообразования

1. Суффиксация

учи/тель, мудр/ость, борь/ба

1. Субстантивация

богатый, булочная, снотворное

2. Конфигация

*под/окон/ник, на/рукав/ный,
обез/глав/ить*

2. Адъективация

*жареная (картошка),
раненый (боец)*

3. Адвербиализация

вечером, шутя (поднять вес)

II. Сложение

II. Сращение

1. Интерфиксация

*лес/о/степь, сух/о/фрукты;
русск/о/французский*

1. Сращения типа

*быстрораствормый,
долгоиграющий*

2. Сложение с суффиксацией

*а) железн/о/дорож/ный
б) пар/о/ход/ø*

2. Сращения типа

диван-кровать, плац-палатка

III. Включение

III. Включение

С опущением определяемого слова

*передов/ица (в газете),
пятилет/ка (план)*

*передовая (в газете)
гончая, борзая (собака)*

С опущением зависимого слова

(сахарный) *песок*

(атмосферные) осадки

К само собой разумеющейся истине относится и признание существования в русском языке приставочно-суффиксального словообразования. На заре словообразовательной науки была высказана эта, как и многие само собой разумеющиеся истины, идея. Действительно, все четко, все ясно: есть префиксация, есть суффиксация, и есть префиксация в комбинации с суффиксацией. И доказывать ничего не надо: и так все ясно [Николаев, Николаева, 2003: 297]. С тех пор наука прошла большой путь развития, но учебники по словообразованию, по которым учились еще мы, полвека спустя переиздаются слово в слово, как будто в них отражены вечные идеи и как будто в словообразовательной науке больше ничего не сделано.

Но в конце 60-х годов появились статьи В.М.Маркова о конфиксации в русском языке [Марков, 1967, 1968]. Не реагировать на эти статьи, как это обычно делают сторонники описательного словообразования, взявшие за обычай не замечать других решений, не совпадающих с их взглядами, они уже не могли. Естественно, конфиксация не была признана. Особенно показательным объяснение того, что происходит в случае префиксально-суффиксального словообразования: исторически в качестве словообразовательной базы выступают предложно-падежные сочетания, которые осложняются суффиксом, а предлог автоматически становится приставкой [Земская, 1973: 267-268]. Перед нами пример весьма вольного распоряжения историей русского языка.

Префиксально-суффиксальное словообразование не подтверждается ни с синхронических позиций, ни исторически. Специалистов синхронического словообразования не смущает тот факт, что приставка в этих случаях осложняет основу слова, в то время как она всегда присоединяется к слову. Нарушается и логика морфологического словообразования, оперирующего бинарными структурами «производящая основа плюс формант», так как в процессе словопроизводства здесь участвуют два форманта. Тезис о сложении словообразовательных значений приставки и суффикса в одно при этом способе словопроизводства тоже не выдерживает серьезной проверки [Шуба, 1975: 249-252].

Исторически действительно слова типа *заречный* образовывались путем суффиксации предложно-падежных форм, но при этом предлог входил в состав производящей основы (как, например, в случаях типа *по ту сторону* > *потусторонний*), а не превращался автоматически в приставку. Превращение части речи в аффиксальную часть слова – процесс длительный, как это видно на примере так называемого аффиксоидного словообразования.

Конфигсальные структуры появились в результате своеобразного переразложения, вызванного перемотивировкой слов с косвенной формы на исходную. Это объясняется тем,

что в связи с разрушением семантического синкретизма происходило укрепление парадигматики в языке, повышалась роль исходных форм парадигм, в том числе и при словообразовании. Своеобразие переразложения заключалось здесь в том, что «сокращение основы в пользу форманта» происходило не контактным, а дистактным путем. Остается решить, что здесь происходит: расширение форманта (как обычно при переразложении) или появление еще одной аффиксальной морфемы? Если выбрать второй вариант, то придется пересмотреть теорию переразложения. Но этого не наблюдается в науке. Сторонники префиксально-суффиксального словообразования и здесь не затрудняют себя аргументацией своей точки зрения.

Когда развивается наука и появляются новые решения, так или иначе аргументированные, возникает необходимость аргументировать свою точку зрения и сторонникам само собой разумеющихся истин в словообразовании. Однако сама ссылка на традицию часто заменяет здесь доказательства.

Может показаться, что наличие прерывистых морфем в языке противоречит понятию морфемы как кратчайшей значимой единицы языка. То же самое препятствие стоит и перед теми морфологами, которые относят основу слова к морфемам. Это касается и производящих основ производных слов (ср.: *со/автор*, но *со/ученик*). Представители Казанской школы Бодуэна не сомневались в том, что основа слова – это морфема [Бодуэн, 1963, II: 182]. Тех же воззрений придерживались Г.О.Винокур, П.С.Кузнецов, В.М.Марков и его ученики.

Коль скоро морфему открыли в Казани и сделал это И.А.Бодуэн де Куртенэ, для разрешения спора необходимо обратиться к точке зрения первооткрывателя. Признавая минимальность и неделимость морфемы как значимой единицы, Бодуэн неоднократно замечал, что морфема может делиться на «морфологические дроби», которые не находятся в иерархической зависимости от морфемы, а сами являются такими же морфемами. Он писал: «Если морфему можно делить дальше на ее составные части, то эти составные части должны быть с нею однородны, должны также иметь значение, в них должна пульсировать психическая жизнь. И действительно, во многих языках такое деление возможно» [Бодуэн, 1963, I: 181]. Этот диалектический взгляд Бодуэна на морфему укрепляет современных казанских дериватологов в объективности существования конфиксальных морфем в русском языке.

В Казани не выделяют морфемистику в самостоятельный раздел науки о языке, а рассматривают проблемы, связанный с морфемой, в системе словообразования. Это восходит

к традициям ученых Казанской лингвистической школы, квалифицирующих морфемы как «морфологические части слова, [которые] не имеют в языке независимого существования, всегда являясь соединенными между собою для образования слов» [Богородицкий, 1935: 92]. Здесь предложено иное понимание морфемы: «Морфема – это элемент слова или формы, отражающий определенное типовое значение в ряду родственных образований и служащий для возникновения новых слов и форм в результате так называемой аналогии» [Марков, Николаев, 1976: 6]

Важно указать, что представители казанской концепции отказались и от несерьезного для науки определения основы слова как части его, «которая остается, если отнять от слова окончание» [Земская, 1973: 6], возродив к жизни определение ученика И.А.Бодуэна де Куртенэ А.И.Анастасиева: «Темою, или основой слова называется та часть его, которая повторяется в группе слов, видоизменяющихся только в окончаниях» [Анастасиев, 1887: 51]. Действительно, основа слова – морфологическая единица, а потому должна быть определена ее морфологическая сущность. Важнейшей чертой структурной единицы в системе словоизменения должна быть та, которая раскрывает ее отношение к словоизменению, ее роль в этой системе. Такой чертой является морфологическая неизменяемость основы, противопоставленная изменемости флексии в пределах парадигмы [Балалыкина, Николаев, 1985: 107], что и отражено в дефиниции А.И.Анастасиева.

Одной из категорий словообразования, настойчиво проводимой казанскими учеными с первых их шагов в области словообразовательной науки, являются нулевые морфемы. Сейчас число сторонников нулевых морфем значительно, но в свое время за этот тип словообразовательных морфем пришлось выдержать жаркие сражения, и прежде всего с казанскими коллегами, которые не занимались словообразованием, но почему-то активно выступали против нулевых суффиксов. Непримирым противником нулевых суффиксов был и Н.М.Шанский, который относил соответствующие производные слова к безаффиксным образованиям в системе морфемного словопроизводства. И до сих пор некоторые ученые считают нулевые морфемы научными фикциями.

Конечно, применительно к понятиям морфемики вряд ли можно говорить о нулевых морфемах, так как они выделяются не в системе морфем, а в системе слово- и формообразования, в системе соответствующих слов и форм. И выделяются не как звук или комплекс звуков, наделенных значением в составе слова, а как показатель определенных отношений в словообразовательном ряду или в словоизменительной парадигме. Мы выделяем нулевые морфемы потому, что они оформляют такие отношения, которые в других случаях оформляются материально выраженными морфемами. Здесь мы имеем дело с показательным отсутствием звуковой оболочки морфемы.

Принцип выделения нулевой морфемы путем сопоставления ее с материально выраженными синонимическими морфемами, разработал И.А.Бодуэн де Куртенэ, который и открыл феномен нулевых морфем (правда, нулевых окончаний) одновременно с Ф.Ф.Фортунатовым: «В языковом мышлении мы должны принять понятие нулевого элемента...Нуль языкового мышления напоминает душу без тела. Сопоставленной с другими морфемами, обладающими отчетливым произносительно-слуховым составом, нулевой морфеме может быть свойственна морфологизация и семасиологизация» [Бодуэн, 1963, II: 314]. Эту мысль ученого, в которой дано широкое философское понимание нулевой категории языкового мышления, можно считать непосредственной предшественницей идеи нулевых словообразовательных морфем [Русское словообразование, 1985: 124]. Большое значение в становлении и развитии учения о нулевых словообразовательных аффиксах имели научные идеи В.М.Маркова [Марков, 1956, 1961].

Заслуживает особого разговора также проблема вариантов морфемы в работах казанских лингвистов. В их концепцию не входят дескриптивные взгляды на соотношения морфем-морфов-алломорфов. Они придерживаются понятия фонетического варианта морфемы. (фономорфемы). В отличие от взглядов представителей синхронической науки фономорфемы рассматриваются здесь не в плане констатации явления, а в аспекте их развития, в ходе которого фонетические варианты могут дать начало новым самостоятельным аффиксальным морфемам.

О возможности превращения вариантов морфем в самостоятельные морфемы говорили уже представители Казанской лингвистической школы. Так, В.А.Богородицкий писал: «Морфемы, благодаря фонетическим изменениям, разветвляются на две и более при одном и том же значении...Если, с одной стороны, в языке в течение времени нарождаются новые разновидности морфем, то, с другой, - вырабатываются и новые оттенки значений. Вместе с тем языку присуще стремление к выразительности, т.е. чтобы особые оттенки значения имели по возможности особое обозначение, благодаря чему может случиться, что одна разновидность морфемы закрепится за одним оттенком значения, другая – за другим и т.д., и таким образом произойдет «дифференциация» морфем» [Богородицкий, 1939: 182, 191].

Идея формирования самостоятельных морфем на основе фонетически противопоставленных вариантов получила в работах современных казанских дериватологов глубокое теоретическое обоснование и детальную разработку [Марков, 1970: 3-20]. Словообразовательная система русского языка отражает различные этапы этого процесса: от безусловно фонетических вариантов, какими являются фономорфемы *-ство* и *-ество*, *-ец* и *-ца* (*богатство*, но *убожество* или *чернец* – *чернца*, но *ловец* – *ловца*) и др., до безусловных самостоятельных морфем, какими являются глагольные суффиксы *-ну-* и *-ану-*

(*стукнуть*, но *стукануть*) или приставка *о(б)-* (*о/б/клеить*) и часть конфиксальной структуры *о...ить* (*о/кругл/ить*) [Николаев, 2001: 260].

Считая основной единицей системы словообразования словообразовательный тип (СТ), казанские дериватологи понимают его не как схему (формулу) строения производных слов [Земская, 1973: 182], а как совокупность производных слов, характеризующихся тремя единствами: 1) единством части речи производящих основ, 2) единством словообразовательного аффикса и 3) единством словообразовательного значения.

Понятие словообразовательного типа соотносимо с понятием словообразовательной модели. Словообразовательная модель (СМ) – это формально-семантический образец порождения новых слов по аналогии к существующим производным словам. В ее основе лежит схема строения производных слов, относящихся к одному СТ и имеющих определенные морфонологические особенности соотношения производящих и производных слов. В пределах одного СТ может быть выделена одна или несколько моделей в зависимости от характера морфонологических явлений, сопровождающих словопроизводство (например две модели имен на *-ство/-ество*).

Словообразовательные типы как обобщенные организации лексических единиц, обладающих определенными словообразовательными характеристиками (идентичными словообразовательными связями, идентичным деривационным значением и общим словообразовательным средством), могут вступать друг с другом в разные соотношения на основании сходства и различия их словообразовательных параметров. Наиболее показательными являются отношения синонимии, антонимии и омонимии словообразовательных типов.

Каждое из этих явлений имеет свою специфику, но все они имеют черты, объединяющие и противопоставляющее их аналогичным явлениям лексического порядка. В отличие от лексической синонимии, антонимии и омонимии, затрагивающих только семантическую сторону языковых фактов, словообразовательная синонимия, антонимия и омонимия, помимо семантики, учитывают и структурную сторону соответствующих образований. Словообразовательные синонимы, антонимы и омонимы характеризуются обязательным тождеством производящих основ и обязательным нетождеством аффиксов. Словообразовательная синонимия, антонимия и омонимия, в отличие от лексической, имеют типовой характер. Тем не менее явления эти связанные, поскольку реализация словообразовательной синонимии, антонимии и омонимии осуществляется в словах, совмещающих в себе одновременно принадлежность к фактам словообразования и лексики.

Идею словообразовательной синонимии обозначил В.В.Виноградов [Виноградов, 1975: 198]. Однако детально теория и история этого феномена была разработана казанскими

дериватологами. Синонимическими являются такие словообразовательные типы, которые характеризуются одинаковыми словообразовательными связями, проявляющимися в общности производящих основ синонимов, одинаковыми словообразовательными значениями, но разными словообразовательными средствами (синоморфемами). Типовые синонимические отношения реализуются в разноаффиксных синонимических образованиях, связанных с общей производящей основой. Например, синонимическими являются словообразовательные типы имен с суффиксами *-ние* и *-ка* (*поливание – поливка, резание – резка, проектирование – проектировка* и т.п.).

Факт синонимии создается здесь противопоставлением общности производящих основ, создающих базу лексической синонимии, и разности образующих формантов, идентичных в плане словообразовательной семантики. Оба эти фактора являются определяющими для становления словообразовательной синонимии. Таким образом, словообразовательная синонимия представляет пример диалектического единства в языке общего (типового, словообразовательного) и частного (единичного, лексического). Нельзя рассматривать словообразовательную синонимию в отрыве от ее реализации в слове, как это еще имеет место (ср.: *выбросить – изгнать, мокрота – влажность* и т.п.) [Шанский 1975: 205], в отрыве от лексической синонимии, сводя ее к синонимии словообразовательных средств, причем средств, взятых изолированно как от единиц высшего порядка (слов), составляющими которых они являются, так и от единиц того же уровня (производящих основ), которым они противопоставлены в пределах производного слова [Николаев 1979: 259].

Некоторые специалисты склонны квалифицировать словообразовательные синонимы как словообразовательные варианты [Смирницкий 1956: 42, Ахманова 1957: 214-215 и др.]. В Казанском университете не разделяют этого мнения. Во-первых, каждый из синонимов возник в процессе словопроизводства, по определенной модели, на базе типовой соотнесенности и при помощи разных словообразовательных средств. Производство вариантов слова, а не самостоятельных слов как-то не согласуется с основной сущностью словообразовательного процесса.

Конечно, в ходе языкового развития отдельные синонимические параллели могут максимально приближаться друг у другу, становиться даже абсолютными синонимами. Таковы, например, были образования на *-ство / -ствие* в языке XVIII - начала XIX вв. (*беспокойство – беспокойствие, присутствие – присутствие, чувство – чувство* и т.п.). Судьба таких образований аналогична судьбе чисто лексических разноосновных синонимов, которые никто и никогда не рассматривал как варианты слов, независимо от их семантической близости.

Во-вторых, словообразовательные синонимы, хотя и имеют общую производящую основу, различаются фонетически (*лукавость* - *лукавство*), в словообразовательном аспекте (разные аффиксы, разные модели, часто разный «набор» мотиваций: ср., например, возможность мотивированности слова *лукавство* глаголом *лукавить*, при сохраняющейся соотнесенности с адъективом), грамматически, стилистически (ср.: *мокрота* – *мокрядь*, *серь* – *серость* и др.) и, как видно из приведенных примеров, семантически. Различаются они и синтаксической сочетаемостью с другими словами (ср.: *тонкий визг*, при отсутствии *тонкое визжание*) и т.д.

В-третьих, само понятие «словообразовательный вариант» не удачно. Содержание словообразования – это образование слов. Варьирование содержания логически ведет к новому содержанию, а не к его варианту. Таким образом, словообразовательные варианты суть разные слова. Варьирование в словообразовании проходит на уровне формы (например, *свидание* – *свиданье*).

В работах казанских дериватологов дана подробная типология словообразовательной синонимии, отмечены ее отличия от однокорневой синонимии (хотя словообразовательная синонимия составляет часть однокорневой), определена роль ее в стилистической организации текста и т.д.

Изоморфными чертами обладает словообразовательная антонимия (случаи типа *вбежать* – *выбежать*, *домик* – *домище*, *подводный* – *надводный* и т.п.).

Словообразовательная омонимия – это омонимия словообразовательных типов, характеризующихся одинаковыми словообразовательными связями (проявляющимися, как и у синонимии и антонимии, в общности производящих основ), разными словообразовательными средствами (омоморфемами), которые совпадают фонетически, и разными (но имеющими генетическую связь) словообразовательными значениями.

Главное, что отличает словообразовательную омонимию от синонимии и антонимии и определяет тем самым ее специфику, это то, что она связана с взаимодействием морфологического и семантического способов словопроизводства и является результатом взаимодействия морфемной и семантической деривации.

Рассмотрим формирование словообразовательной омонимии на примере слов *истребитель* (летчик и самолет). Слово *истребитель* в значении лица образовано еще в древнерусском языке от глагола *истребити* при помощи суффикса *-тель* (морфологическое словообразование). В XX веке при появлении самолетов определенного типа они были названы словом *истребитель*, которое является семантическим дериватом от *nomem agentis* *истребитель*. В дальнейшем (а может быть, и сразу) новое слово устанавливает мотивированность со словом *истребить* (самолет, истребляющий другие самолеты). В слове

с орудийным значением выделяется суффикс *-тель*, который представляет собой уже новый суффикс, оформляющий другое СЗ, а слово *истребитель* (самолет) становится словообразовательным омонимом к слову *истребитель* (летчик).

Не все случаи семантического словообразования устанавливают мотивированность с производящим своего производящего и остаются как семантические дериваты, нечленимыми. Например, слово *дворник* (стеклоочиститель в транспорте) не выделяет в своем составе суффикса *-ник* (как его производящее *дворник* – уборщик двора), так как не имеет никакого отношения к слову *двор*.

Структурным выражением словообразовательной омонимии является омонимия словообразовательной формы. В этом мы расходимся с Г.О.Винокуром, который ввел это понятие в словообразовательную науку и понимал его как разную членимость производного слова при множественности мотиваций (например: *учить* > *учи/тельство* и *учитель* > *учитель/ство*) [Винокур, 1959: 434].

Казанские дериватологи положительно относятся ко многим идеям своих московских коллег, в частности к разработанной ими системе комплексных единиц в словообразовании: цепь, парадигма, гнездо. Однако, руководствуясь синхронно-диахронной методикой исследования языковых фактов, они в решение и этих вопросов внесли свои наблюдения.

Изменения, происходящие в словообразовании, отражаются в первую очередь в словообразовательной цепи (СЦ). Они чаще всего связаны с заменой непосредственной мотивации на опосредованную.

Наиболее характерным процессом, развертывающимся в СЦ, который имеет семантическую основу и затрагивает структурную сторону образований, является *деэтимологизация*. Этот процесс приводит к трансформации СЦ и проходит через все другие процессы, такие, например, как утрата звена или нескольких звеньев цепи, расширение в том или ином звене мотивационных связей, перемещение отдельных звеньев в цепи относительно друг друга и т.п.

Перемещение звеньев в цепи относительно друг друга происходило, например, в СЦ, включающих звено «имя на *-тельство*» (*учитель* → *учительство*). Образования на *-ство* здесь рано сменили именную мотивированность (*вредитель* → *вредительство*) на глагольную (*вредить* → *вредительство*), поскольку приобрели значение действия (как состояние действующего лица). В тех СЦ, где отсутствовал глагол «слева» от имени на *-ство*, смена соотнесенности на глагольную не была отменена: образования на *-ство* установили зависимость от глагола «справа», т.е. производного глагола на *-ствовать* и, таким образом, поменялись местами в СЦ с этим глаголом. Например: цепь *покровитель* → *покровительство* → *покровительствовать* трансформировалась в СЦ *покровитель* →

принцип синхронизации слов в гнезде, полимотивированное слово следует подавать столько раз, сколько оно имеет мотиваций, а не вдаваться в исторический анализ относительно того, какая из этих мотиваций первичная, чтобы поместить это слово согласно его первичной мотивированности, как это делается в существующих словообразовательных словарях.

Во-вторых, это касается словообразовательной омонимии. Словообразовательные омонимы должны размещаться не в одном звене СГ, как «многозначное» слово (существование таких слов как словообразовательных единиц весьма сомнительно), а каждое в отдельном звене.

В-третьих, необходимо найти приемлемое решение для размещения случаев словообразовательной синонимии в сфере СГ. Высказанные выше соображения о построении словообразовательной парадигмы позволяют нам включать синонимические образования в одно звено парадигмы, а следовательно, и СГ.

В-четвертых, нельзя не учитывать при составлении словообразовательных гнезд, отражающих состояние словообразовательной системы в определенный период истории языка (в частности современное ее состояние), случаев так называемой обратной мотивированности слов в словообразовательной цепи. Конечно, обратная мотивированность (или соотнесенность) – это явление исторического словообразования, однако результаты соответствующих процессов представлены в современном языке и должны быть соответственно интерпретированы. Зависимость большинства имен с суффиксом *-ствие* от глаголов на *-ствовать* признается всеми, в том числе и академическими грамматиками 70-80-х годов [Грамматика 1970: 59]: *приветствие* – действие по значению глагола *приветствовать*, *путешествие* – действие по значению глагола *путешествовать*, *сопутствие* < *сопутствовать*, *содействие* < *содействовать* и т.п. Все эти случаи и многие другие есть результат развития обратной соотнесенности в соответствующих словообразовательных последовательностях [Николаев, 1970].

Комплексные словообразовательные единицы выделяются в системе словообразовательного синтеза, поскольку строятся в проспективной последовательности: от производящего к производному, а не в ретроспективной – от производного к производящему (как при словообразовательном анализе). Следует отметить, что эти два направления исследования словообразования были намечены в работах представителей казанской школы Бодуэна, и в первую очередь – в монографии Н.В.Крушевского «Очерк науки о языке».

Таковы коротко основные решения в области теории русского словообразования, содержащиеся в работах представителей казанской научной школы дериватологии.

Литература

Анастасиев А.И. Морфологический анализ слов. Отдельный оттиск из «Филологических записок». – Воронеж, 1887.

Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 296 с.

Балалыкина Э.А., Николаев Г.А. Русское словообразование. Учебное пособие. – Казань: Изд. Казан. ун-та, 1985. – 184 с.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. – М., 1935. – 356 с.

Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. М., 1939. – 224 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1-2. М.: Изд. АН СССР, 1963.

Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. второе. М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.

Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // В.В.Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. – С. 106-220.

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Г.О.Винокур. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419-442.

Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 768 с.

Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М.: 1973. – 304 с.

Историческое словообразование русского языка. Казань: Изд. Казан.ун-та, 1984.–168 с.

Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. – Казань, 1883. – 150 с.

Лопушанская С.П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вест.Волгоград.ун-та. Серия 2: Филология. Вып. 1.1996.

Марков В.М. Явления суффиксальной синонимии в языке судебных актов XV-XVI вв. // Ученые записки Казанского гос.ун-та. Общеуниверситетский сборник. – Казань: Изд. Казан. ун-та, 1956. - Т. 116. - Кн. 1. – С. 299-306.

Марков В.М. Явления нулевой суффиксации в русском языке // Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя (Тезисы докладов). – Л.: Изд. ЛГУ, 1961. – С. 16-17.

В.М.Марков. Замечания о конфиксальных образованиях в языке поэтических произведений М.В.Ломоносова // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII века. Казань, 1967. – Вып. 1. – С. 60-72.

В.М.Марков. Замечания о конфиксации в современном русском языке // Język gosyjski. – Warszawa, 1968. - № 3. – С. 7-12.

Марков В.М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. – М.: Высшая школа, 1974. – 145 с.

Марков В.М. Избранные работы по русскому языку.– Казань: Изд. «ДАС»,2001.– 274 с.

Марков В.М., Николаев Г.А. Некоторые вопросы теории русского словообразования // Именное словообразование русского языка. - Казань: Изд. Казан. ун-та, 1976. - С. 3 - 14.

Николаев Г.А. К вопросу об обратных словообразовательных связях в русском языке // Вестник Московского университета: Филология. - М.: Изд-во МГУ, 1970. - № 6. - С. 62-68.

Николаев Г.А. Типы словообразовательной синонимии в русском языке // *Slavia orientalis*. - Warszawa, 1979. - № 2.- S. 257-264.

Николаев Г.А. Проблемы теории и истории русского языка в работах В.М.Маркова (Вместо комментариев) // В.М.Марков. Избранные работы по русскому языку. – Казань: Изд-во ДАС, 2001. – С. 252 – 271.

Николаев Г.А. Семантическое формообразование в русском языке // Семантическая деривация и ее взаимодействие с морфемной: Межвуз. сборник научных трудов / Отв. ред. Б.И.Осипов. – Омск: Омский гос. ун-т, 2003. – С. 115-123.

Николаев Г.А., Николаева Н.Г. Актуальные процессы в современном русском словообразовании: конфиксация // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Русский текст и русский дискурс сегодня / Под ред. В.П.Казакова, Н.О.Рогожиной, Е.Е.Юркова. – СПб: Политехника, 2003. – С. 297-302.

Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1956.

Улуханов И.С. Мотивация и производность (о возможности синхронно-диахронического описания языка) // Вопросы языкознания. 1992. № 2.

Улуханов И.С. Некоторые вопросы теории исторического словообразования // Проблемы тэорыі і гісторыі славянскага словаўтварэння. Мінск, 2004. – С. 11-21. словообразование. Пособие для учителя. – М.: Просвещение, 1975. – 240 с.

Шанский Н.М. Лексическая деривация в русском языке // Русский язык в школе. – 1977. - № 3, - С. 9-16.

Шуба П.П. О компонентах конфикса в русском языке // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М.: Наука, 1975. – С. 249-252.